

Богачкина Светлана Валерьевна

ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗОВ М. ГОРЬКОГО 1890-Х ГГ.: К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ СТИЛЯ ХУДОЖНИКА

В статье рассматривается один из аспектов стиля Максима Горького в рассказах 1890-х годов – образ человека и способы его создания. На основании содержательных и формальных критериев выделяются два типа героя (герой-"ребёнок" и герой-"животное"), раскрываются особенности их строения. Отмечается, что названные типы складываются постепенно, вырастая из синтетических образов, представленных в более ранних рассказах "Нищенка" и "Мой спутник".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 32-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается один из аспектов стиля Максима Горького в рассказах 1890-х годов – образ человека и способы его создания. На основании содержательных и формальных критериев выделяются два типа героя (герой-«ребёнок» и герой-«животное»), раскрываются особенности их строения. Отмечается, что названные типы складываются постепенно, вырастая из синтетических образов, представленных в более ранних рассказах «Нищенка» и «Мой спутник».

Ключевые слова и фразы: стиль; Максим Горький; ранние рассказы; типология персонажей; образ человека.

Богачкина Светлана Валерьевна

Челябинский государственный университет

svbogachkina@yandex.ru

**ТИПОЛОГИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ РАССКАЗОВ М. ГОРЬКОГО 1890-Х ГГ.:
К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ СТИЛЯ ХУДОЖНИКА[©]**

Вопрос о своеобразии и типологии горьковских героев остается одним из актуальных в отечественной науке о литературе. К нему обращались и продолжают обращаться ведущие исследователи творчества художника. В их числе – В. А. Келдыш, утверждающий что «через всё творчество Горького проходят два типа человека – человек – «нестрой души» и цельная личность» [7, с. 12], С. Г. Семёнова, которая выделяет два типа характера: «прометеистический» Человек и «озорник» (вслед за А. Воронским) [9, с. 271]. Назовем здесь и Л. А. Спиридонову, которая отмечает, что у Горького Человек противопоставлен рабу, герой – мещанину [10, с. 52].

Выбирая для своей типологии различные критерии, все вышеназванные учёные сходятся в том, что в основе её неизменно лежит принцип контраста. Ведь, как справедливо замечает В. А. Калашников, «никто так, как Горький, не проник в душу контраста, не насытил его социальным содержанием. *Контрастность стала манерой Горького, его стилем*» [6, с. 36]. Тем не менее, когда речь заходит о ранних рассказах писателя, исследователи, как правило, про это забывают. И в центр художественной системы Горького они ставят только фигуру гордого, сильного, свободного человека – образ борца, создателя или, как определяет его Л. А. Колобаева, героическую концепцию личности [8].

На наш же взгляд, рассказы Горького 1890-х годов, не теряя своей самобытности, органично вписываются в общую траекторию развития индивидуального стиля художника, неся на себе след его чрезвычайно сложной и в высшей степени противоречивой личности [1].

Тяготеющий к противоположным «полюсам», уже в раннем творчестве Горький создает образные ряды, воплощающие две крайности человеческого характера: герой-«хищник» и герой-«ребёнок». При этом следует отметить, что названные типы складываются постепенно, вырастая из синтетических образов, представленных в более ранних рассказах «Нищенка» (1893 г.) и «Мой спутник» (1894 г.).

Главного героя рассказа «Мой спутник» Горький характеризует как «малого *наивно-дикого*». И это не случайно, ведь характер героя соединяет в себе два начала – звериное («*сильное, добродушное животное*») и детское («Толстые губы, вместе с поднятыми бровями, делали его *лицо детским...*» [2, с. 133]). Причем основной акцент автор делает именно на звериной сущности своего персонажа, настойчиво проводя параллели между Шакро и повадками различных животных: «...он сильно голодал и прямо-таки *по-волчьи щёлкал зубами*, видя, как кто-нибудь ел» [Там же, с. 134]; «...поматывал своей кудлатой головой, *как баран*» [Там же, с. 147]; «Шакро ворчал, *как испуганная собака*» [Там же, с. 148]; «...слушал и вдруг, молча, *оскалив зубы и сощурился глазами, кошкой бросился на меня*» [Там же, с. 150].

В характере нищенки из одноимённого рассказа также соединяются детские и звериные черты, и в тексте не раз встречаются сравнения девочки с представителями животного мира: большой бабочкой, избитым совиёнком, котёнком.

При этом образ девочки является олицетворением уже не только невероятной сложности (как Шакро), но и дисгармонии человеческой личности. Она передается Горьким сочетанием противоположных начал, которое зримо появляется уже в портрете героини. Речь идёт о красоте, оттеняемой уродством: «...она, *несмотря на грязную тряпку, покрывавшую её, а может быть, благодаря именно этой тряпке, резко оттенявшей цвет и изящество личика, была разительно красива*» [Там же, с. 232]. Причём писатель целенаправленно подчёркивает странность и даже нелепость этого сочетания. Например, «...большие синие бархатные глаза — всё это в целом и её лохмотья — делало её *странно похожей на маленькую кучку мусора с расцветшим в центре её обаятельно и капризно красивым цветком*» [Там же].

Заостряя и углубляя ощущение дисгармонии, Горький акцентирует несоответствие внешнего облика героини и её внутренним миром: «Синие *детские глазки* были широко раскрыты, серьёзны и *не по-детски решительны*» [Там же, с. 239]; «Ворует!.. *воровка!*» – произнёс про себя Павел Андреевич и почувствовал, что *эти два слова неприменимы к девочке с золотыми кудрями*» [Там же, с. 241].

Несмотря на определённые расхождения, образы Шахро и нищенки решительно отличаются от других персонажей горьковских рассказов 1890-х гг. своей «неисчерпанностью», т.е. противоречивостью и неоднозначностью для окружающих и самого художника. «Как бы он ни думал, ему не исчерпать этого вопроса о девочке, что-то остаётся, уклоняясь от определения словами, что-то такое смутное, неприятное...» [Там же, с. 237], – говорит автор о Павле Андреевиче, отражая тем самым и собственную позицию. Это побуждает писателя сомневаться в возможности «исчерпать» вопрос о человеке: «Наряду с гимном беспредельным возможностям человеческого разума, Горький <...> нередко склонен был констатировать в своем художественном творчестве не только детерминированность человеческой психики, но и наличие <...> «потёмок души» [5, с. 40].

Сказанное позволяет нам сделать вывод, что свой творческий поиск Горький начинает с образов, стиливой рисунок которых ещё не несёт в себе качество «сверхопределённости», безошибочно отмечаемое исследователями (Е. Б. Тагер [11], Л. А. Колобаева [8]).

В дальнейшем, стремясь к большей определённости творимой им художественной формы, Горький решительно разводит в своих персонажах «звериное» и «детское» начала, что и приводит его к созданию двух диаметрально противоположных типов: героя-«хищника» и героя-«ребёнка».

К типу героя-«ребёнка» относятся Гаврила («Челкаш», 1894 г.), Мишка («Дело с застёжками», 1895 г.), Коновалов («Коновалов», 1896 г.), Федька («Трубочист», 1896 г.), Ефимушка («Товарищи», 1897 г.), Кирилка («Кирилка», 1899 г.). Все они люди простодушные и незамысловатые, чистые душой и подчас имеющие репутацию блаженных. Именно в уста Ефимушки Горький вкладывает слова: «Простой я, главная причина. Иные люди говорят всё с подходцем да с хитрецей, а мне — чего? Я человек один на свете. Хитровать будешь — умрёшь, и правдой жить будешь — умрёшь. Так я всё напрямки больше!» [3, с. 98]. И это далеко не случайно, ибо простота – это качество, которое писатель ценил и в творчестве, и в людях.

Внешние признаки героя такого типа – ясные глаза (голубые или синие), кроткая улыбка, а также весьма часто – здоровье и физическая сила. Всем этим признакам отвечают и Гаврила (человек «с большими голубыми глазами, смотревшими на Челкаша доверчиво и добродушно»), и Мишка, который «молчал и хлопал своими голубыми глазами, то и дело улыбаясь доброй, умиротворяющей улыбкой» [Там же, с. 76].

Яркий пример того, как «строится» подобный образ, являет собой Коновалов из одноименного горьковского рассказа. В облике этого богатыря «проглядывает что-то детское, душевная чистота и ясность» [8, с. 291]. Автор не раз прямо называет его «ребёнком»: «...было приятно смотреть на этого гигантского ребёнка» [4, с. 25]; «...книга стала для него тем, чем становится иногда волшебная сказка для впечатлительного ребёнка» [Там же, с. 27]. Причем, что чрезвычайно показательно для стиливой формы раннего Горького, именно это качество выделяет в себе и сам персонаж, подтверждая и заостряя оценку автора: «Я... бывало, прям как пятилетний ребёнок перед ней» [Там же, с. 34]. И вновь внутреннее сходство с ребёнком подтверждается и заостряется автором внешней деталью – «детские ясные глаза», которые привлекают внимание рассказчика.

Противоположный тип героя-«животного» писатель сравнивает с хищником. Если во внешнем облике героя-«ребёнка» Горький сглаживает резкость и агрессию, то здесь, наоборот, подчёркивает ее. Отсюда – акцент на зубы (оскаленные или стиснутые), прищуренные, горящие злобой глаза и нервные движения. Главной ценностью для таких персонажей является свобода. К их числу отнесём Рыжика («Убежал», 1893 г.), Емельяна Пиляя («Емельян Пиляй», 1893 г.), Семагу («Как поймали Семагу», 1895 г., Григория Орлова («Супруги Орловы», 1897 г.), Мальву («Мальва»). И, безусловно, абсолютным проявлением этого человеческого типа является вор Челкаш («Челкаш», 1894 г.). Писатель решительно заостряет доминантное свойство изображаемой личности, используя для этого прямой тавтологический повтор: «хищное лицо», «хищный нос», «хищная худоба», как у «степного ястреба». Стремясь максимально прояснить найденную черту, Горький также тиражирует в тексте птичьих характеристики: «цепкие пальцы», «холодные глаза», «ястребиные очи». Более того, герой отождествляется не только с хищной птицей, но и со зверем благодаря своему оскалу. Причём этот оскал может выражать как иронию («...оскалил зубы в насмешливой улыбке»), так и гнев («...зло оскалив зубы, смеялся...»). Все это говорит о том, что данный жест является для горьковского героя естественным и органичным проявлением его натуры. Это подтверждает следующий фрагмент текста: «Челкаш, оскалив зубы, приподнял голову, огляделся вокруг и, прошептав что-то, снова улёгся...» [3, с. 33].

На первый взгляд, то есть по внешним признакам, Мальва не вписывается в ряд «хищников». Но она близка им по своему внутреннему состоянию. Е. Б. Тагер отмечает «психологическое родство», «эмоциональную гармонию образов» Мальвы и Челкаша [11, с. 106]. Как и последний, Мальва дорожит своей независимостью и готова ради неё пожертвовать любовью и семьёй: «Я сама себе барыня и никого не боюсь»; «Никого я вас не люблю». Она сравнивает себя с птицей: «Как чайка, куда захочу, туда и полечу! Никто мне дороги не загородит» [4, с. 255]. Последний пример особенно важен, так как в нём возникает символический образ чайки, максимально ёмко и кратко проявляющий сущностное свойство героини.

Как видим, Горький последовательно и целенаправленно проводит в тексте рассказов свою стиливую «линию». Конечно, такой способ строения образа приводит к определённому его упрощению. Он становится однообразным и предсказуемым, но вместе с тем убедительным, ясным и запоминающимся. Создание галереи родственных типов, тиражирование похожих характеров позволяет Горькому максимально обнажить суть человеческой души – цельной, верной себе, лишённой противоречий, а значит, прочной и надёжной. Именно такой, согласно философским и творческим взглядам художника, должна быть душа Человека, стоящего в центре художественной системы автора.

Список литературы

1. Белоусова Е. Г. Русская проза рубежа 1920-1930-х годов: кристаллизация стиля (И. Бунин, В. Набоков, М. Горький, А. Платонов). Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2007. 272 с.
2. Горький М. Полн. собр. соч.: в 25-ти т. М., 1968. Т. 1. 590 с.
3. Горький М. Полн. собр. соч.: в 25-ти т. М., 1969. Т. 2. 656 с.
4. Горький М. Полн. собр. соч.: в 25-ти т. М., 1969. Т. 3. 599 с.
5. Ермакова М. Я. Роль М. Горького в модификации философского романа XX века // Горький и его эпоха: материалы и исследования / Рос. АН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; под ред. В. С. Барахова. М.: Наследие, 1995. Вып. 4. 262 с.
6. Калашников В. А. М. Горький и герои его ранних рассказов. Минск: Изд-во БГУ, 1975. 152 с.
7. Келдыш В. А. О ценностных ориентирах в творчестве Горького // Горький и его эпоха: материалы и исследования / Рос. АН; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; под ред. В. С. Барахова. М.: Наследие, 1995. Вып. 4. 262 с.
8. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. 333 с.
9. Семёнова С. Г. Мыслительные диапазоны в творчестве М. Горького // Семёнова С. Г. Русская поэзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 590 с.
10. Спиридонова Л. А. «Я в мир пришёл, чтобы не соглашаться...». Ранние романтические произведения М. Горького // Рус. словесность. 1999. № 3. С. 50-53.
11. Тагер Е. Б. Избранные работы о литературе. М.: Сов. писатель, 1988. 506 с.

**CHARACTERS TYPOLOGY IN M. GOR'KII'S STORIES IN THE 1890S:
ON QUESTION OF ARTIST'S STYLE ORIGINALITY**

Bogachkina Svetlana Valer'evna
Chelyabinsk State University
svbogachkina@yandex.ru

The author considers one of the aspects of Maxim Gor'kii's style in the stories of the 1890s – the image of a man and the methods of its creation, basing on content and formal criteria describes two types of a hero (hero-“child” and hero-“animal”), reveals the features of their structure, and tells that the above mentioned types are formed gradually, growing from synthetic images presented in earlier stories “The Heart of a Beggar” and “My Travelling Companion”.

Key words and phrases: style; Maksim Gor'kii; early stories; characters typology; image of man.

УДК 81'38

Филологические науки

В статье рассмотрены средства создания речевой портретной характеристики персонажей через употребление лексических единиц различных языковых регистров, употребление героем имён собственных из истории, мифологии и литературы. Проведен анализ функций речевой портретной характеристики героев на конкретных примерах из цикла детективных романов современного американского прозаика Р. Н. Митры.

Ключевые слова и фразы: речевая портретная характеристика; функции речевого портрета; Р. Н. Митра.

Борунов Артем Борисович

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
borunov.artem@yandex.ru

Малыгин Виктор Трофимович, д. филол. н., проф.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Владимирский филиал)
vikmal@list.ru

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТНОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ Р. Н. МИТРЫ®**

Известно, что одним из самых распространенных средств создания речевой портретной характеристики персонажа является описание его внешности, поступков и поведения. Самым распространенным средством создания портрета является описание в авторской речи, но наряду с этим важным средством является формирование образа персонажа через прямую речь (диалог, монолог), а также через косвенную, внутреннюю речь героев. Это помогает писателю раскрыть внутренний мир героя, отобразить ход его мыслей и позволяет войти в мир его эмоциональных переживаний. В прямой или косвенной речи через употребление особой лексики и фразеологии, особый фонетический строй этой речи формируется образ и характеристика героя произведения. Здесь находят своё отражение его социальная характеристика, уровень образования, принадлежность к определенному социуму.

Понятие «речевой портрет» исследуется как литературоведами, так и лингвистами. Например, Д. Э. Розенталь определяет речевой портрет как подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения